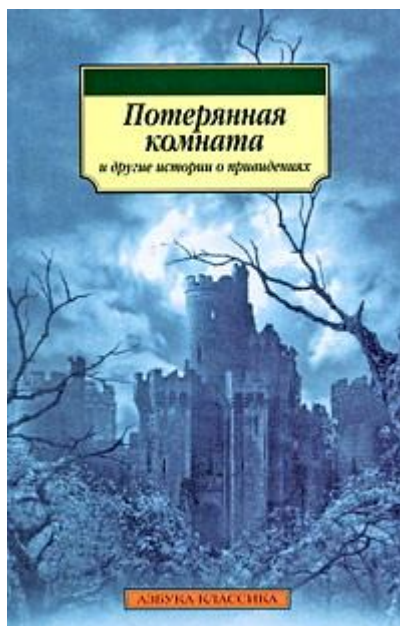

Джозеф Шеридан Ле Фаню Призрак и костоправ

«Потерянная комната и другие истории о привидениях: Рассказы»: Азбука-классика;
2009
ISBN 978-5-9985-0296-5

Аннотация

Терри Нил, деревенский костоправ, должен провести ночь в пустом господском замке, где, по слухам, обитает призрак старого сквайра.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Призрак и костоправ

Перебирая бумаги моего бесценного и почитаемого друга — покойного Френсиса Перселла, который на протяжении почти полувека отправлял нелегкие обязанности приходского священника на юге Ирландии, я наткнулся на следующий документ. Подобных записей у него накопилось немало: он прилежно и неутомимо собирал старинные местные предания, какие в тех краях, где он проживал, бытуют в изобилии. Собираение и систематизация различных легенд было, сколько я помню моего друга, его излюбленным занятием, но мне и в голову не приходило, что тяга ко всяким странностям и чудесам настолько в нем окрепнет, что побудит его заносить плоды своих разысканий на бумагу, и впервые я узнал об этом только после того, как, став наследником его имущества, сделался, согласно завещанию, и обладателем всех его рукописей. Тем, кто сочтет склонность к литературным занятиям несовместимой со нравами и привычками сельского священника, надобно указать, что существовала некогда порода священнослужителей — представителей старой школы, ныне почти уже вымерших, чей кругозор был по многим причинам более широким, а литературные интересы более глубокими, нежели у питомцев Мэйнута¹.

¹ ...у питомцев Мэйнута. — Имеется в виду колледж святого Патрика в городе Мэйнут (графство Килдар), основанный в 1795 г. для обучения католических священников.

Необходимо, пожалуй, добавить, что поверье, подкрепленное нижеследующей историей — а именно о покойнике, обязанном на первых порах подносить свежую воду похороненным ранее соседям по кладбищу, которые томятся в чистилище от невыносимой жажды, на юге Ирландии распространено повсеместно. Пишущий эти строки готов поручиться за достоверность случая, когда почтенный и зажиточный фермер из графства Типперэри², озабоченный мозолями почившей супруги, положил ей в гроб две пары башмаков: легкие — для сухой и тяжелые — для слякотной погоды, желая тем самым избавить ее от неудобств, связанных с неизбежными походами за водой для увлажнения иссохших глоток насельников чистилища. Между двумя похоронными процессиями, одновременно достигающими кладбища, возникают порой ожесточенные стычки: каждая сторона стремится обеспечить своему покойнику первенство погребения — и, следственно, избавить от возлагаемой на последнего постояльца должности пешего водоноса. Не столь давно имел место случай, когда представители конкурирующей процессии, из боязни лишиться своего усопшего товарища этого неоценимого преимущества, избрали кратчайший путь на кладбище и, в нарушение одного из наиболее глубоко укоренившихся суеверий, попросту перебросили гроб через ограду, дабы, минуя кладбищенские ворота, опередить соперников. Нетрудно привести множество подобных примеров, наглядно свидетельствующих о прочности этого широко распространенного среди селян — жителей юга — предрассудка. Не стану, впрочем, долее обременять читателя предварительными пояснениями, но спешу представить его вниманию следующий текст:

Извлечение из рукописей его преподобия, покойного Френсиса Перселла, из Драмкулаха

Привожу эту историю по памяти со слов рассказчика, стараясь воспроизвести ее возможно точнее. Не лишним, вероятно, будет заметить, что язык у него был, как говорится, подвешен неплохо — и у себя в приходе он долгое время наставлял способную молодежь в тех науках, гуманитарных и естественных, какие считал нужным преподавать: этим обстоятельством, надо думать, и объясняется присутствие в рассказе ряда ученых слов, употребленных не столько из-за их уместности, сколько ради благозвучия. Итак, приступаю, без дальнейших предисловий, к делу и предлагаю вашему вниманию рассказ об удивительных приключениях Терри Нила.

Да, история эта, конечно, диковинная, и говорить нечего, но такая же правда, как то, что вы здесь сидите; и, смею заявить, в семи приходах не найдется никого, кто сумел бы рассказать ее лучше и пунктуальнее, чем я, потому как случилась она с моим отцом — и я не раз ее слышал от него самого и, скажу не без гордости, словам и подписи моего отца можно было верить так же апелляционно, что и клятве любого сельского сквайра. Стоило какому-нибудь бедняге попасть в переделку — кто шел в суд давать показания в его пользу? Мой родитель, кто ж еще. Только сам-то он человек был честный и трезвенник — такого во всей округе не сыщешь; очень, правда, охочий пропустить стаканчик, зато лучше всякого другого смыслил в плотницком и столярном деле. А потому он взялся за ремесло костоправа, оно и понятно: никто не мог с ним сравниться в умении починить сломанную ножку стола или стула; и точно, народ к нему валом валил — что старые, что малые: такого на памяти старожиллов еще не бывало. Так вот, Терри Нил (так звали моего отца) почувствовал, что на душе у него становится все легче, а кошелек все тяжелеет, и тогда он обзавелся небольшой фермой на земле сквайра Фелима, недалеко от старого замка — местечко, скажу я вам, славное; и с утра до ночи к нему со всех сторон ковыляли бедолаги — кто с перебитой

² ...из графства Типперэри Типперэри... — графство на юге Ирландии.

рукой, кто с ногой, и всем он вправлял кости куда следует. Итак, ваша милость, все обстояло распрекрасней некуда, однако был заведен такой обычай, чтобы кто-нибудь из селян в случае отъезда сэра Фелима сторожил по ночам старый замок, вроде как из любезности соседу, но очень уж неприятной была для них эта обязанность: каких только страхов не рассказывали о старом замке. Все в округе знали, да и сам я об этом слышал еще до того, как в первый раз надел башмаки, что дед нынешнего сквайра — добрый джентльмен, упокой, Господи, его душу! — завел привычку ровнехонько в полночь прогуливаться по замку с тех самых пор, как у него в голове лопнул кровяной сосуд, когда он вытаскивал из бутылки пробку, совсем как вы или я это делаем и, даст бог, еще будем делать, только не в этом суть. Старый сквайр, как я уже говорил, повадился вылезать из рамы, в которой он висел — то бишь портрет его, крушить вдребезги стаканы и бутылки — помилуй нас, Господи! — да выпивать до капли все, что ему попадалось под руку, хоть и не самое великое это прегрешение; а потом, если случалось зайти кому из домочадцев, мигом забирался обратно в раму и глядел оттуда с неповинным видом, точно ему и невдомек, кто там набедокурил, — такой вот проказливый старикашка.

Итак, ваша милость, я и говорю, как-то раз семейство сквайра задержалось в Дублине на недельку-другую, а потому, как обычно, кому-то из деревни надо было ночевать в замке, и на третью ночь настал черед пойти туда моему отцу.

— Вот ведь бочки-бочоночки! — говорит он сам себе. — Чего это ради я должен сидеть там сиднем всю ночь, пока старый бродяга, привидение, прости господи, будет разгуливать по всему замку и творить всякие бесчинства?

Но деваться было некуда, и вот он напустил на себя бесшабашный вид и, прихватив бутылку с выпивкой и бутылку со святой водой, пошагал, как стало смеркаться, к замку.

Дождило вовсю, вечер выдался мрачный, и уже совсем стемнело, когда мой отец добрался до замка; у входа он обрызгал себя святой водой и тут же понял, что должен малость хлебнуть спиртного, чтобы согреть нутро. Дверь ему отворил старый дворецкий — Лоренс Коннор; они с отцом издавна были на короткой ноге. Разглядев, кто стоит перед ним (а отец сообщил, что настал его черед сторожить замок), Лоренс предложил составить ему компанию и провести ночь вместе, и, будьте уверены, отец ломаться не стал.

— Растопим камин в зале, — говорит Ларри.

— А почему не в холле? — говорит отец.

— В холле топить нельзя, — говорит Ларри, — там в дымоходе старое галочье гнездо.

— Ну тогда, — говорит мой отец, — давай устроимся на кухне — не годится таким, как я, рассиживаться в залах.

— Нет-нет, Терри, — говорит Лоренс, — уж если блюсти старинный обычай, так блюсти его как должно, честь по чести.

«Черт бы побрал этот старинный обычай», — говорит мой отец, но говорит про себя: не хотелось ему показать Лоренсу, будто он чего-то побаивается.

— Ладно, Лоренс, — говорит он вслух. — Будь по-твоему. — И оба идут сначала на кухню дожидаться, пока в зале разожгут камин, а дело это минутное.

Значит, так, ваша милость: вскорости поднялись они в гостиную и расположились поудобнее возле камина; принялись калякать о том о сем, курить и отпивать по глоточку из бутылки, а в огонь подбросили побольше торфа и коряг — хорошенько прогреть свои голяшки.

Так вот, сэр, я и говорю: покуривали они себе и беседовали по душам, пока Лоренса не начало клонить в сон, что и понятно — служил он в замке невесть сколько лет и поневоле привык подолгу спать.

— Ну нет, это никуда не годится, — говорит мой отец, — ты, смотрю, уже вовсю клоешь носом.

— Ах ты, черт, — говорит Ларри, — да я всего на минутку прикрыл глаза, они у меня от табачного дыма слезятся. А тебе нечего мне пенять, — сурово говорит он (уж очень он был обидчив — упокой, Господи, его душу!), — давай валяй дальше, рассказывай, я тебя

слушаю внимательно, — говорит он и опять закрывает глаза.

Ну, отец мой увидел, что спорить с ним без толку, и стал рассказывать дальше. Будто нарочно, это была история о Джиме Салливане и его старом козле — куда как веселая и уж такая занятная, что и садовая соня уши наострит, а уж христианин — и подавно встрепетается. Но, ей-богу, чтоб так рассказывать, как мой отец, — такого еще никто не слыхивал: он что есть мочи выкрикивал каждое слово, лишь бы Ларри не уснул, но все понапрасну; только осип, а Ларри О'Коннор, не дождавшись конца истории, пустил такой храп, что твоя прохудившаяся волынка.

— Язви его, — говорит мой отец, — только этого не доставало, — говорит он, — старый пройдоха! Прикинулся моим другом, а сам захрапел, и сиди теперь тут с ним на пару по соседству с призраком, — говорит он. — Да сохрани нас Крест Господний! — говорит он и уже собрался встряхнуть Лоренса как следует, да сообразил, что если его растолкать, то старикан уж точно отправится к себе в постель, а оставаться в зале одному как перст вовсе ему не улыбалось.

— Ну, так тому и быть, — говорит мой отец. — Не стану беднягу тревожить. Не по-дружески это как-то, не по-людски, — говорит он, — досаждать человеку, когда его сон сморил. Хорошо бы только, — говорит он, — заодно с ним храпака задать.

И тут он принялся расхаживать взад-вперед по гостиной и бормотать молитвы, пока не взмок с головы до пят — не при вас, ваша милость, будь сказано. Но от молитв оказалось мало проку, и потому волей-неволей пришлось моему отцу выцедить примерно с пинту горячительного, чтобы хоть капельку успокоиться.

— Эх, — говорит он, — вот бы и мне так вольготно устроиться, как Ларри. А не попробовать ли, — говорит он, — вздремнуть? — И с этими словами придвинул большое кресло поближе к Лоренсу, да и устроился в нем поудобнее.

Однако вот о какой странной штуке я забыл упомянуть. Мой отец никак не мог, сколько ни старался, не взглядывать изредка на картину, и всякий раз ему мерещилось, будто глаза с портрета за ним следят и, мигая, вроде как его провожают, куда бы он ни двинулся.

— Так-так, — говорит он, едва в этом уверился, — вот не повезло, так не повезло, не миновать мне сегодня беды, раз уж я угодил в это проклятое место, — говорит он, — но от перепуга теперь никакой пользы, коли помирать, так помирать храбро, — говорит он.

Да, ваша милость, мой отец уж постарался изо всех сил держаться молодцом, и ему раза два-три даже показалось, будто он совсем засыпает, однако уснуть ему мешала буря: большущие вязы за окном стонали и скрипели под ветром, который выл и ревел в дымоходе. Один порыв был до того свирепый, что можно было подумать — стены замка вот-вот рухнут до основания. И вдруг все вмиг улеглось — и стало тихо-тихо, будто в июльский вечер. Да, ваша милость, не прошло и трех минут, как моему отцу послышался какой-то шорох со стороны камина; отец чуточку приоткрыл глаза и явственно увидел, как старый сквайр выбирается из картины: плащ он скинул с плеч, а сам ступил на каминную полку — и потом спрыгнул на пол. Так вот, осторожный старый негодник — отцу подумалось, что подлее этой выходки и быть не может, — прежде чем приступить к разным пакостям, замер на минутку и прислушался, крепко ли оба они с Ларри спят, а когда достоуверился, что все тихо и мирно, протянул руку к бутылке виски, ухватил ее и одним махом опрокинул в себя чуть ли не целую пинту. И затем, ваша милость, таким образом подкрепившись, остороженько поставил бутылку на прежнее место — аккуратно туда, где она и стояла. После чего призрак как ни в чем не бывало взялся мерить зал шагами с таким трезвым и внушительным видом, будто сроду не вытворял ничего подобного. И всякий раз, когда он проходил мимо моего отца, от него нестерпимо разило серой, и вот тогда у отца душа по-настоящему ушла в пятки: уж он-то в точности знал, что ад именно серой провонял насквозь — прошу прощения у вашей милости. Во всяком случае, он частенько слышал об этом от преподобного отца Мэрфи, который уж наверняка знал, что к чему; теперь-то он тоже на том свете — упокой его душу, Господи! Что ж, ваша милость, мой отец крепился, как только мог, до тех пор, пока призрак не приблизился к нему вплотную — и тут запах серы ударил ему в ноздри с

такой силой, что дыхание у него перехватило, он раскашлялся безо всякого удержу и едва не вывалился из кресла, в котором сидел.

— Хо-хо! — говорит сквайр, остановившись в двух шагах от моего отца и пристально его оглядывая. — Да никак это ты, Терри Нил? Ну и как живешь-можешь?

— Рад служить вашей милости, — говорит мой отец (еле ворочая языком — он был ни жив ни мертв от страха), — и счастлив увидиться сегодня с вашей милостью, — говорит он.

— Теренс, — говорит сквайр, — ты человек уважаемый, — (а это была истинная правда), — и трудолюбивый, к тому же настоящий трезвенник — воистину образец трезвости для целого прихода, — говорит он.

— Благодарю вашу милость, — говорит мой отец, собравшись с духом, — вы, как джентльмен, всегда отличались учтивостью в речах — упокой, Господи, вашу милость.

— Упокой, Господи, мою милость? — говорит призрак (физиономия у него прямо-таки побагровела от ярости). — Упокой мою милость? — говорит он. — Ах ты, деревенский невежа, — говорит он, — подлый ты, жалкий неуч, где, в какой конюшне ты позабыл свои манеры? Если я и мертв, то это не моя вина, — говорит он, — и не таким, как ты, тыкать меня в это носом при каждом удобном случае, — говорит он, топнув ногой так, что половица под ним чуть не провалилась.

— Ох-ох, — говорит мой отец, — я и вправду всего лишь бедный жалкий неуч, — говорит он.

— Он самый! — говорит сквайр. — Но так или иначе, — говорит он, — я не для того, чтобы выслушивать твои глупости и ласы с тобой точить, сюда взошел... сошел то есть, — говорит он (оговорка хоть и малозаметная, но мой отец ее мимо ушей не пропустил). — А теперь послушай, Теренс Нил, — говорит он, — я всегда хорошо относился к Патрику Нилу, твоему деду, — говорит он.

— Точно так, ваша милость, — говорит мой отец.

— И кроме того, полагаю, что я всегда был трезвым, добропорядочным джентльменом, — говорит сквайр.

— Именно так, ваша милость, — говорит мой отец (в жизни он так нагло не врал, но поделаться с собой ничего не мог).

— Так вот, — говорит призрак, — хотя голова у меня всегда была трезвая, трезвее, чем у многих, по крайней мере у многих джентльменов, — говорит он, — и, невзирая на то что временами я представлял собой образец истинного христианина и щедро благодетельствовал беднякам, — говорит он, — невзирая на все это, там, где я обретаюсь сейчас, мне приходится совсем не так легко, как я имел основания рассчитывать, — говорит он.

— Надо же, какая досада! — говорит мой отец. — Быть может, ваша милость желала бы перемолвиться словечком с преподобным отцом Мэрфи?

— Придержи язык, презренный нечестивец, — говорит сквайр, — вовсе не о душе я думаю; твое нахальство меня просто бесит — заговорить с джентльменом о его душе, да еще когда не душа у него не на месте, а совсем другое, — говорит он, хлопнув себя по бедру. — Мне нужен тот, кто в этом деле смыслит, — говорит он. — Нет, не душа меня беспокоит, — говорит он, усаживаясь напротив моего отца, — не душа, гораздо больше беспокоит меня правая нога, которую я подвернул возле охотничьей засады в Гленварлохе в тот день, когда сгубил черного Барни.

(Мой отец выяснил впоследствии, что это был любимый жеребец сквайра, который сломал себе хребет под его седлом, когда перепрыгнул через высокий забор вдоль оврага.)

— Надеюсь, — говорит мой отец, — что не этим убийством ваша милость так обеспокоена?

— Придержи язык, болван, — говорит сквайр, — и я тебе расскажу, почему меня моя нога так беспокоит, — говорит сквайр. — Там, где я провожу основную часть своего времени, за исключением короткого отпуска, чтобы здесь рассеяться, — говорит он, — я вынужден ходить пешком гораздо больше, чем привык в своей прошлой жизни, — говорит он, — и много сверх того, чем это полезно для моего здоровья. Должен тебе сказать, что

тамошний народ на удивление охоч до свежей и прохладной воды — за неимением питья получше; притом климат в тех краях чрезвычайно жаркий, а удовольствие это маленькое, — говорит он. — Мне же поручено обеспечивать жителей водой для питья, хотя ее-то мне самому достается с гулькинос. Работенка хлопотная и утомительная, можешь мне поверить, — говорит он, — потому как все жители до единого водохлебы каких поискать, не набегаясь: только принесу, ан глядь, на донышке уже сухо, но что меня вконец убивает, так это моя хромота. И я хочу, чтобы ты дернул меня как следует за ногу и вправил сустав на место, — говорит он. — Собственно, именно это мне от тебя и нужно, — говорит он.

— Как будет угодно вашей милости, — говорит мой отец (хотя валандаться с призраком ему хотелось меньше всего), — но только вряд ли я посмею обращаться с вашей милостью таким образом, — говорит он, — я ведь так поступаю только с простым людом, вроде меня самого.

— Хватит болтать! — говорит сквайр. — Вот тебе моя нога, — говорит он и задирает ее повыше. — Тяни, коли жизнь тебе не безразлична, — говорит он, — а коли откажешься, я своим потусторонним могуществом искрошу все твои собственные кости в мелкий порошок, — говорит он.

Заслышав такое, отец понял, что деваться ему некуда, а потому ухватил сквайра за ногу и начал тянуть — тянул-тянул до тех пор, пока (прости господи) пот его не прошиб и ручьями не потек по лицу.

— Тяни, черт бы тебя побрал, — говорит сквайр.

— Рад стараться, ваша милость, — говорит мой отец.

— Тяни сильнее, — говорит сквайр.

Отец тянет его за ногу и чуть не лопается от натуги.

— Глотну-ка я капельку, — говорит сквайр и протягивает руку к бутылке. — Надобно немного взбодриться, — говорит он, хотя выглядел бодрее некуда. Но, какой он ни был ловкач, тут дал маху и ухватил совсем не ту бутылку. — Твое здоровье, Теренс, — говорит он, — давай-ка тяни, будто за тобой черти гонятся. — И с этими словами подносит к губам бутылку со святой водой, но не успел к ней прикоснуться, как взревел диким голосом (можно было подумать, что стены замка рассыплются) и дернулся так, что нога оторвалась и осталась в руках у отца. Сквайр перекувырнулся через столешницу, а мой отец, перелетев в другой конец зала, рухнул плашмя на пол.

Когда мой отец пришел в себя, через дребезжавшие от ветра ставни проникали веселые солнечные лучи, а сам он лежал на спине, стиснув в руке ножку одного из старых громадных кресел. Конец ножки, вывороченной из гнезда с мясом, глядел в потолок, а старина Ларри, как водится, наполнял комнату оглушительным храпом. Тем же утром мой папаша отправился к преподобному отцу Мэрфи и с того самого дня вплоть до самой кончины не пренебрегал исповедью и не пропускал ни единой мессы, а его рассказу про случай в замке верили тем больше, чем реже он его повторял. Что касается сквайра, его призрак — то ли потому, что святая водица пришлась ему не по вкусу, то ли потому, что лишился ноги, — в замке больше не показывался.